

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Интересен и оригинален Руссо в своих педагогических воззрениях. В этой области он выступал горячим сторонником естественного воспитания. Воспитание каждого человека, писал Руссо, дается природой путем непосредственного развития врожденных способностей и влечений. Обращаясь к родителям и воспитателям, он призывал их развивать в ребенке естественность, прививать чувство свободы и независимости, стремление к труду, уважать в нем личность и все полезные и разумные склонности.

В соответствии с предлагаемой им схемой воспитания Руссо делил жизнь детей на четыре периода. В первый период — от рождения ребенка до двух лет — он предлагал уделять внимание главным образом физическому воспитанию; во второй — от двух до двенадцати лет — воспитанию чувств; в третий — от двенадцати до пятнадцати лет — умственному воспитанию; в четвертый период — от пятнадцати до восемнадцати лет — нравственному воспитанию. Этот последний отрезок времени он называл периодом «бурь и страстей».

Говоря о первом периоде жизни ребенка — младенчестве, Руссо вполне резонно отмечал, что первоначальное воспитание — самое важное и самое ответственное; оно неоспоримо принадлежит женщине. «Мы родимся слабыми,— писал он,— мы нуждаемся в силах; мы родимся лишенными всего, мы нуждаемся в помощи; мы родимся глупыми, мы нуждаемся в рассудке. Все, чего мы не имеем при рождении и в чем нуждаемся, став взрослыми,дается нам воспитанием»¹.

Появление на свет человека обязывает родителей, в особенности отца, строго выполнять свои священные обязанности, возложенные на него природой. «Тот, кто не может выполнить обязанностей отца,— писал Руссо,— не должен им делаться. Ни бедность, ни работа, ни уважение людей не избавляют его от обязанности кормить своих детей и воспитывать их самому»².

В период младенчества ребенок, хотя и чувствует свои элементарные естественные потребности, отмечал Руссо, но не в состоянии их выразить, так как слишком беден его язык. «Если он чувствует голод или жажду, он пла-

¹ Руссо Ж. Ж. Эмиль..., с. 12.

² Там же, с. 25.

чет; если ему холодно или жарко, он плачет; если он испытывает потребность в движении, а его удерживают в покое, он плачет; если ему хочется спать, а его развлекают, он плачет»³.

Руссо предлагал родителям и воспитателям во всех подобных случаях не прибегать к угрозам, а, напротив, терпеливо и настойчиво изучать действительные причины детского плача. Он справедливо предупреждал, что детские слезы при отсутствии надлежащего понимания потребностей, коими они вызываются, и вследствие безмерных услуг родителей могут порождать нечто противоречащее морали и природе.

«Первые слезы детей — их просьбы; если не остеречься, они вскоре становятся приказаниями, они начинают с того, что заставляют себе помогать, а кончают тем, что заставляют себя служить. Так из их собственной слабости, откуда вытекает спачала чувство зависимости, рождается позднее идея власти и господства, но эта идея вызывается не столько их потребностями, сколько нашими услугами»⁴.

Как же надо относиться к навязчивому плачу, крику ребенка? Руссо советовал быть непримиримым и строгим. Он предлагал не баловать и не изнеживать детей. «Дайте ребенку поплакать, если слезы его не вызываются известной потребностью, которая должна быть удовлетворена,— говорил он.— Пусть он учится переносить холода... Только закаливание делает ребенка свободным...»⁵

Очень много ценных советов и наставлений мы находим в первых двух книгах «Эмиля». Руссо рекомендует здесь исподволь действовать на детей, руководить ими, не ущемляя их свободы и не применяя мер прямого принуждения, и вместе с тем проявлять настойчивость, требовательность, не спешить с удовлетворением нежелательных и взбалмошных детских просьб. «Знаете ли вы самое верное средство сделать вашего ребенка несчастным? — спрашивал Руссо и тут же отвечал: — Это приучить его ни в чем не знать отказа... Сначала он потребует трость, которую вы держите; потом ваши часы; потом птицу, которая летает; потом звезду, которая сияет на небе; он будет требовать все, что увидит; не будучи богом, как вы его удовлетворите?»⁶.

³ Руссо Ж. Ж. Эмиль..., с. 42.

⁴ Там же, с. 43.

⁵ Цит. по кн.: Геффдинг. Ж. Ж. Руссо и его философия / Пер. с нем. СПб., 1898, с. 161.

⁶ Руссо Ж. Ж. Эмиль..., с. 64.

Среди наставлений, заслуживающих серьезного внимания, мы встречаем у Руссо и такие поучительные советы: если вы хотите овладеть ребенком, вы обязаны прежде всего владеть самим собою. Если ваш «непокладистый ребенок портит все, к чему прикоснется, не сердитесь; удаляйте от него то, что он может испортить». Но то, что вы разрешаете ему, разрешайте по первому его слову, без просьб, без особых условий. И если вы запрещаете ему делать что-нибудь нехорошее, нежелательное, то отказывайтесь твердо, решительно. «Пусть никакое приставание не колеблет вас; пусть произнесенное „нет“ будет несокрушимой стеной, которую ребенок, истощив о нее раз пять или шесть свои силы, не станет больше пытаться опрокинуть»⁷.

Вторую книгу «Эмиля» Руссо открывает теплым, сердечным обращением к людям. «Люди, будьте человечны,— говорит он,— это ваш первый долг: будьте такими для всех состояний, для всех возрастов, для всего, что не чуждо человеку... Любите детство; поощряйте его игры, его забавы, его милый инстинкт. Кто из вас не сожалел иногда об этом возрасте, когда на губах вечно смех, а на душе всегда мир?»⁸.

Отдавая добрую дань детскому возрасту, Руссо продолжал: помните, что природа желает, «чтобы дети были детьми, прежде чем они станут взрослыми». Родители и воспитатели меньше всего должны добиваться того, чтобы сделать своих детей способными в раннем возрасте к серьезным размышлениям. «Если вы хотите воспитать ум вашего ученика,— говорил Руссо,— воспитывайте силы, которыми он должен управлять. Постоянно упражняйте его тело; делайте его здоровым и сильным, чтобы сделать умным и рассудительным; пусть он работает, действует, бегает, кричит; пусть всегда находится в движении; пусть будет он человеком по силе, и вскоре он станет им по разуму... Если мы захотим извратить этот порядок, то произведем скороспелые плоды, в которых не будет ни зрелости, ни вкуса и которые не замедлят испортиться: у нас будут юные ученые и старые дети»⁹.

По словам Руссо, система естественного воспитания его литературного героя, Эмиля, призвана была открыть воспитаннику широкую дорогу в счастливое и свободное детство. «Эмиль — сирота,— писал Руссо.— Нет надобности,

⁷ Там же, с. 79, 69.

⁸ Там же, с. 55.

⁹ Там же, с. 99, 68.

чтобы его отец и мать были живы. Взяв на себя их обязанности, я наследую все их права. Он должен чтить своих родителей, но слушаться только меня. Это — мое первое, или, вернее, мое единственное условие»¹⁰.

Эмиль — самый обыкновенный ребенок. Живя в деревне, на лоне природы, он сделал большие успехи, стал отличаться крепким физическим здоровьем, ловкостью, бесстрашием, наклонностью к детскому труду, любовью к природе, послушанием и другими положительными чертами. «Его фигура, осанка, манеры свидетельствуют об уверенности и довольстве; лицо пышет здоровьем; твердые шаги придают ему выражение силы»¹¹. Но идеи его, по словам Руссо, ограничены. Следует заметить, что Руссо ошибочно полагал, будто Эмиль, как и все дети до двенадцати лет, не обладал способностью к отвлеченному мышлению.

В третьей книге «Эмиля» Руссо знакомит читателя со своим воспитанником, вступившим в пору трудов, ученья и занятий; при этом объявляет, что в занятиях с Эмилем он будет руководствоваться принципом: «Важно знать не то, что есть, а то, что полезно». К числу наук, дающих популярные, полезные знания, Руссо относил географию, физику, химию и другие предметы, позволяющие внушить его воспитаннику внимание и «любовь к природе».

Что же касается современных ему гуманитарных знаний, Руссо считал их ложными науками. И это побуждало его широко знакомить Эмиля с историей Древнего Рима, с Платоном, Апuleем и другими писателями, а также рекомендовать ему читать всевозможные жизнеописания. Главный недостаток истории Руссо видел в том, что она якобы рисует людей гораздо более с их дурной стороны, чем с хорошей, при этом придает интерес только переворотам и катастрофам, а о периодах мирного правления ничего не повествует.

Старая дворянская система воспитания и система, санкционируемая церковью, по мнению Руссо, должны быть отброшены. При этом он не был противником общественного воспитания вообще, и если предпочел воспитывать своего Эмиля вне всякого общества, то это имело свое оправдание: он не считал ни клерикальное, ни светское воспитание его времени положительным общественным воспитанием.

¹⁰ Руссо Ж. Ж. Эмиль..., с. 28.

¹¹ Там же, с. 144.

Вместо старых форм общественного воспитания Руссо считал необходимым ввести демократическую систему, в основу которой требовал положить трудовое воспитание: изучение общественных ремесел и искусств, причем в ходе обучения он считал необходимым выявлять у воспитанников те или иные дарования, заложенные природой.

Основной недостаток французского школьного воспитания Руссо видел в его недоступности и бесполезности для людей труда. «Из доступных памятностей,— писал он,— иные ложны, другие бесполезны, третья служат пищей для гордости того, кто ими обладает. Лишь незначительное число тех, которые действительно способствуют нашему благополучию»¹².

Следует заметить, что французская школа в ту пору почти полностью сохраняла свой средневековый облик, все еще находилась под церковной опекой богословия и схоластики. Это вызывало у Руссо явное перасположение к ней. Чтобы удовлетворить растущую любознательность Эмиля, он пришел к довольно оригинальному выводу: «Раз уж нам решительно невозможно обойтись без книг, то есть одна, представляющая, по моему мнению, в высшей степени удачный трактат о естественном воспитании. Это первая книга, которую прочтет мой Эмиль; она одна будет в течение долгого времени составлять всю его библиотеку и навсегда займет в ней почетное место... Что же это за чудесная книга? Аристотель? Плиний? Бюффон? Нет; это Робинзон Крузо»¹³.

Рекомендуя Эмилю роман Даниэля Дефо «Робинзон Крузо», Руссо преследовал в данном случае воспитательно-трудовую цель. Он хотел показать своему воспитаннику, что труд и непосредственное общение с природой не только спасли Робинзона от гибели на необитаемом острове, но и послужили источником его нравственного совершенствования. «Я хочу, чтобы он увлекся им,— писал Руссо,— чтобы он беспрестанно занимался его жилищем, его козами, его посевами; изучил детально не в книгах, а на деле все, что нужно знать в подобном случае»¹⁴.

Короче говоря, Руссо считал, что внимание Эмиля в пору его детства и отрочества должно быть приковано не к недоступным для него явлениям общественной жизни,

---

¹² Там же, с. 150.

¹³ Там же, с. 171.

¹⁴ Там же.

а к жизненно необходимой области человеческого существования. Какова же эта столь насущная область? Это область опыта и чувства. «Наши истинные учителя,— внушил он Эмилю,— опыт и чувство»¹⁶.

Для доказательства этой точки зрения Руссо брал примеры трудолюбия, силы, здоровья из жизни и быта деревенских подростков. «Я вижу в деревнях подростков,— писал он,— которые пашут, двоят, управляют плугом, нагружают бочку вина, правят телегой не хуже своих отцов: их можно было бы принять за взрослых, если б голос не выдавал их». Даже в наших городах, продолжал Руссо, и в особенности в тех местах, где господствует физический труд, «молодые ремесленники, кузнецы, слесари почти так же сильны, как их отцы, и не уступают им в ловкости, если своевременно начали обучаться»¹⁶.

Эти примеры со всей очевидностью подтверждают безусловную демократичность системы воспитания Руссо. Он не помышлял посыпать Эмиля в коллеж или пансион, в среду праздных дворянских подростков, решив подготовить и вывести его на поприще общественной жизни нелегким, но полезным путем. Это путь изучения рабочего ремесла. Он видел в нем самое надежное и верное средство, способное обеспечить человеку честный и независимый образ жизни. «Самым близким к естественному состоянию из всех тех занятий,— писал Руссо,— которые способны обеспечить существование человека, является труд его рук. Из всех общественных положений самое независимое от судьбы и от людей — положение ремесленника»¹⁷.

Руссо высказал здесь глубокую мысль, признав общественный труд в качестве существенного морального фактора жизнедеятельности человека. Вместе с тем, как показал исторический опыт, Руссо заблуждался и впадал в мелкобуржуазный утопизм, когда утверждал, что ремесленный труд способен обеспечить человеку независимость. Это заблуждение можно объяснить тем, что в предреволюционный период во Франции в промышленном производстве ремесленный труд занимал господствующее положение. Именно это обстоятельство побудило Руссо смело и безапелляционно занимать молодые руки Эмиля рабочим ремеслом. «Помните, что не таланта я требую от вас,— го-

---

¹⁶ Руссо Ж. Ж. Эмиль..., с. 164.

¹⁶ Там же, с. 150.

¹⁷ Руссо Ж. Ж. Об искусстве. Л.: Искусство, 1959, с. 108.

ворил он своему воспитаннику,— я требую ремесла, настоящего ремесла, ремесла чисто механического, при котором руки работают больше, чем голова, и которое не приводит к богатству, но дает возможность обойтись без него»¹⁸.

Чтобы обучить Эмиля полезному ремеслу, Руссо часто водит его в мастерские, дает советы, как вести себя под началом мастера, как образцово выполнять порученную работу и как держать себя в кругу семьи мастера. «По моему мнению, нам следует, по крайней мере раз или два в неделю, отправляться на целый день к мастеру,— говорил он Эмилю,— вставать одновременно с ним, приниматься за работу раньше него, есть за его столом, работать под его началом, и после того, как мы будем иметь честь отужинать вместе с его семьей, возвращаться, если хотим, спать на наших жестких постелях»¹⁹.

Каков же результат всех этих хлопот и забот о трудовом воспитании Эмиля и что конкретно дало это его воспитаннику? Когда Руссо затрагивал подобные вопросы, то всегда с гордостью говорил, что под влиянием его руководства коренным образом изменился физический и духовный облик Эмиля. Эмиль уже не боится никакого ручного труда. «Он готов ко всему: он уже умеет действовать заступом и киркой, пользоваться токарным станком, молотком, скобелем, напилком; орудия всех ремесел уже знакомы ему»²⁰. «Я запрещаю моему воспитаннику вредные ремесла,— продолжал Руссо,— но не запрещаю трудных, ни даже опасных. Они упражняют разом силу и мужество»²¹.

Руссо хорошо понимал, что цивилизованное общество не может жить и развиваться, пренебрегая вредными ремеслами. Все ремесла, писал он, должны осуществляться. Но, знакомя Эмиля с разными ремеслами, связанными с обработкой дерева, металла, камня, земли, Руссо тем не менее советовал ему избрать в качестве профессии что-либо одно. «Я желал бы,— писал он,— чтобы моему воспитаннику всего более пришлось по вкусу ремесло столяра»²². Это ремесло он считал наиболее целесообразным. Ремесло столяра «опрятно, оно полезно, им можно заниматься до-

¹⁸ Руссо Ж. Ж. Эмиль..., с. 184.

¹⁹ Там же, с. 190.

²⁰ Там же, с. 187.

²¹ Там же, с. 188.

²² Там же, с. 189.

ма,— говорил Руссо,— оно дает достаточное упражнение телу; оно требует от работника ловкости и смышености; и форма его произведений, определяемая пользой, не исключает изящества и вкуса»²³.

К шестнадцати годам Эмиль, по отзыву воспитателя, превосходно изучил ряд ремесел, обогатил свой ум естественными и физическими знаниями и главное — он выработал в себе положительные черты характера: трудолюбие, твердость, терпеливость, мужество, склонность к размышлениям и социальным добродетелям.

Этот педагогический успех, по мнению Руссо, был достигнут сочетанием умелого ремесленного труда с выполнением основных правил естественного воспитания. Но не только это обусловило успех. Система естественного воспитания достаточно эффективна только при правильном и привычном соединении телесных и умственных упражнений. «Великий секрет воспитания,— писал Руссо,— в умение добиться того, чтобы телесные и умственные упражнения всегда служили отдыхом одни для других»²⁴. Именно такое привычное сочетание труда и отдыха, положенное в основу системы Руссо, сыграло положительную роль в физическом и умственном воспитании Эмиля.

Заканчивая третью книгу «Эмиля», Руссо с удовлетворением писал, что его основная педагогическая проблема уже получила свое завершение и лишь немногое, но не менее важное, осталось ему, а именно: научить даровитого воспитанника приобретать научное знание, оценивать его по достоинству и «любить истину превыше всего»²⁵.

Четвертую книгу «Эмиля» Руссо открывает яркими, образными словами о вступлении юноши в возраст возмужалости. Это вступление, говорит он, подобно бурному перевороту в «пастросии духа»; оно порождает «частые вспышки» и постоянное душевное возбуждение. Мало того, вступление юноши в возраст возмужалости делает его «почти неукротимым». «Как рев моря задолго предшествует буре,— писал Руссо,— так и этот бурный переворот возвещается ропотом зарождающихся страстей; глухое брожение предупреждает о приближении опасности». «Того, кто вздумал бы препятствовать зарождению страстей, я счел бы почти таким же безумцем, как и того, кто взду-

²³ Руссо Ж. Ж. Эмиль..., с. 189.

²⁴ Там же, с. 191.

²⁵ Там же, с. 196.

мал бы уничтожить их; и те, кто воображает, что таков был до сих пор мой план, конечно, очень плохо поняли меня»²⁶.

В этих словах писателя-демократа немало правды. Действительно, возмужалость юноши — это конец детским потехам и шалостям и начало серьезной душевной перестройки; это переход в новое русло увлечений и страстей.

Руссо хорошо понимал, что сохранить в счастливой простоте и невинности молодого человека в современном ему гражданском обществе — дело нелегкое. Но, чтобы уберечь молодое сердце от испорченности, бесчеловечности и жестокости, он предлагал еще до наступления «критического возраста» вести решительную борьбу против всевозможных зрелиц, воспламеняющих чувственность, против шумных забав и буйных радостей. «Удаляйте их от больших городов,— советовал Руссо,— где парады и нескромность женщин ускоряют и предваряют уроки природы, где все являет их глазам удовольствия, которых они не должны знать, пока не научатся их выбирать». Добивайтесь медленных и верных успехов, «препятствуйте юноше стать мужчиной в тот момент, когда ему ничего не остается делать, чтобы стать им»²⁷.

Делясь своим педагогическим опытом, Руссо говорил, что каждый воспитатель обязан научить своего воспитанника не рассчитывать ни на родителей, ни на здоровье, ни на богатство. Он должен дать понять ему, что без труда жизнь бесцельна, что труд есть неизбежная обязанность общественного человека и «всякий праздный гражданин есть плут». Воспитатель, кроме того, должен не жалеть ни сил, ни времени для того, чтобы занимать воспитанника добрыми делами, ибо, только делая добро, люди становятся добрыми. «Отнимите у нашего сердца эту любовь к добру,— подчеркивал Руссо,— вы отнимете всю прелесть жизни»²⁸.

Прошло более двух веков со времени появления в свет демократического педагогического учения Руссо. Однако в этом учении далеко не все социальные требования отошли в область предания. Руссо по праву принадлежит содержательная разработка проблемы соединения воспитания с производительным трудом. В его педагогическом учении превосходно выражены требования

²⁶ Там же, с. 198—199.

²⁷ Там же, с. 220—221.

²⁸ Там же, с. 281.

уважения личности ребенка, организации его самодеятельности и многое другое. Первейшая задача воспитания, учил Руссо,— это создание человека-гражданина, который считал бы своей общественной обязанностью и правилом своей жизни физический труд, самостоятельность, активность, честность, гуманизм.

«Взгляните,— писал он,— на моего Эмиля: ему минуло двадцать лет, он хорошо сформировался и в духовном и в физическом отношении, силен, здоров, проворен, ловок, мускулист, отличается здравым смыслом и рассудительностью, добротой и гуманностью, обладает добродетелями и хорошим вкусом, любит все прекрасное, творит добро, неподвластен злым страстиам, не подчиняется людскому мнению, но покоряется велениям разума... наделен всеми полезными дарованиями... не мечтает о достатке, надеется на свои крепкие руки и, что бы ни стряслось, не боится остаться без куска хлеба»²⁹.

Для Руссо Эмиль не только труженик, обладающий многими добродетелями, но и молодой человек, стремящийся к личному счастью, который в силу царящей цивилизованной испорченности встретил на своем пути не только счастье, но и тяжелые удары судьбы.

Следует, одпако, заметить, что Эмиль хотя и получил трудовое, демократическое воспитание, но его внутренний духовный мир, на наш взгляд, был довольно ограниченным. Жизнь вне общества, на лоне природы, вне связи и вне взаимоотношений со своими сверстниками развила в его характере черты индивидуализма. Он оказался наделенным не только трудолюбием, гуманностью, честностью, добротой, рассудительностью, но и консервативным мелкобуржуазным воззрением на явления частной и общественной жизни. Для Эмиля ремесленные навыки, унаследованные от отцов и дедов, и религиозно-действическое воззрение, преподанное воспитателем,— это и есть то главное, самое необходимое, что даст ему в будущем возможность свободного и независимого существования.

Роман «Эмиль, или О воспитании» в силу демократического направления получил широкое распространение во Франции и за ее пределами. Негодующий протест Руссо против сословной узости тогдашнего воспитания и обучения произвел поистине настоящий переполох в дер-

²⁹ Руссо Ж. Ж. Избр. соч., т. 1, с. 630.

ковных кругах, а в широких демократических кругах обеспечил Руссо бессмертную славу великого реформатора педагогики. Разумеется, сила педагогической системы Руссо состояла не только в том, что она отвергла средневековую феодальную традицию воспитания, а в том, что она послужила стимулом для формирования и развития демократической педагогики нового времени.

И. Песталоцци, Ф. Фребель, И. Базедов, Р. Оуэн и другие реформаторы пытались осуществлять педагогические воззрения Руссо на опыте и доказать их правомерность. Роман «Эмиль» и другие произведения Руссо производили глубокое впечатление и на выдающихся представителей философии и литературы. Его демократические и нравственные идеи оказали значительное воздействие на немецких философов Якоби, Канта, Гамана и других. Гёте называл «Эмиля» «естественным евангелием воспитания» и даже допускал возможность идеального человека, воспитанного согласно принципам Руссо. Шиллер в 1782 году почтил память Руссо пламенным стихотворением. Не прошел мимо Руссо и Байрон. В его «Чайльд-Гарольде» мы находим замечательные строки, наполненные волнующим пафосом:

Как пифия на троне золотом,
Он стал вешать, и дрогнули короны,
И мир таким заполыхал огнем,
Что королевства, рушась, гибли в нем.
Не так ли было с Францией, веками
Униженной, стонавшей под ярмом,
Пока не поднял ярой мести знамя
Народ, разбуженный Руссо с его друзьями.

О том ярком впечатлении, которое произвел «Эмиль» на современников, говорится в ряде сочинений французских историков. Так, в работе «Критическая история теорий воспитания во Франции начиная с XVI века» сказано: «Еще ни одна педагогическая книга не поразила и не возбудила так сильно педагогов — и не одних педагогов: поэтов и мыслителей, ученых и невежд, мужчин и женщин. Ее влияния были непреодолимы. Хотели повторить все, что было сделано с Эмилем»⁸⁰.

Вместе с тем против автора новой демократической системы воспитания ополчались сторонники феодально-

⁸⁰ Comteyré J.-G., *Histoire critique des doctrines de l'éducation en France*. Paris, 1879, p. 96.

клерикального воспитания: короли, вельможи, епископы и другие сановники.

Немецкий король Фридрих II, оказавший гостеприимство «дикому философи», изгнанному из Франции и Швейцарии, гневно порицал прогрессивно-демократические взгляды Руссо, говоря, что в «Эмиле» нет ничего оригинального, в нем мало прочных рассуждений и много наглости.

Российская императрица Екатерина II, ненавидя и презирая Руссо, в 1770 году писала г-же Бельке: «Особенно не люблю я Эмильевского воспитания: не так думали в наше добре старое время... я и держусь этого опыта и никогда не подвергну драгоценные отпрыски (*des rejetons précieux*) сомнительным педагогическим опытам»³¹.

Напротив, передовая мысль Западной Европы и России высоко ценила педагогические воззрения Руссо, в особенности его практические выводы о роли физического труда в воспитании.

Напомним здесь о весьма положительном отношении к демократической системе воспитания Руссо Н. К. Крупской. Наследие Руссо, его идеи о роли физического труда в воспитании, писала она, «не потеряли своего значения и теперь, 150 лет спустя, при совершенно иных, гораздо более развитых общественных условиях». Руссо «говорил о физическом труде как об общественной обязанности, как о средстве стать свободным, независимым человеком, как о средстве приобрести широкий умственный кругозор и верное понимание общественных отношений. Такая постановка глубоко демократична, и потому наследие Руссо с глубокой благодарностью принимает рабочая демократия. Зато от этого наследия отрекается современная одряхлевшая буржуазия. Предки ее, не отделявшие еще интересов своего класса от дела народов, превозносили Руссо; теперешняя буржуазия относится к Руссо холодно, свысока и хотя по традиции называет его „великим“, но неизменно добавляет „утопистом“. Причем под утопией понимает не только то, что действительно утопично в произведениях Руссо, но и его демократизм, его уважение перед „человеком“, перед „трудом“»³².

³¹ Цит. по: Кобеко Д. Ф. Екатерина II и Жан Жак Руссо.— Исторический вестник, 1883, № 6, с. 611.

³² Крупская Н. К. Пед. соч.: В 10-ти т., М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1957, т. 1, с. 265.

С тех пор как написаны были эти замечательные строки, марксистско-ленинская педагогическая наука и практика ушли далеко вперед. Однако система трудового и физического воспитания Руссо, пропитанная демократизмом и гуманизмом, несмотря на ошибочность и уточненность ряда положений, составляет и поныне одну из ярких страниц педагогического наследия прошлого.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Жан Жак Руссо горячо любил музыку и с юных лет мечтал стать музыкантом. Неблагоприятные материальные условия жизни и отсутствие систематического образования помешали ему осуществить эти мечты. Руссо избрал путь писателя, но не потерял глубокого интереса к музыке. В историю мировой литературы он вошел не только как автор выдающихся социально-политических трактатов, но и как замечательный мастер литературно-художественных произведений.

Существует довольно распространенное мнение, что в художественном творчестве Руссо своеобразно сочетаются два литературных направления — сентиментализм и романтизм. И действительно, душевному складу Руссо не чужды, более того, родственны оба эти литературные направления. А. В. Луначарский в «Истории западноевропейской литературы» совершенно справедливо писал, что «французский романтизм, как и весь романтизм этой эпохи, имеет идеологические корни в Руссо. Без понимания душевного типа Руссо трудно понять музыку XIX века, трудно понять ту романтику, которая росла и в Германии, и в Англии, и во Франции...»¹.

И все же было бы ошибочно романтические предвосхищения Руссо относить к периоду его зрелой литературно-художественной деятельности. Руссо — писатель-демократ, пробуждающий в каждом читателе чувствительность, гуманное отношение к людям, живущим в нужде и бедности, любовь к природе,— скорее всего может быть понят и истолкован как подлинный представитель сентиментализма.

---

¹ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Худож. лит., 1964, т. 4, с. 207.